

49. Estnisch-russische Beziehungen. Von W. Frank. Reval, den 10. Juli 1925 // The National Archives. GFM 33/2349/5462/66/E373567-373570.
50. Haigh, R.H. German-Soviet Relations in the Weimar Era: Friendship from Necessity. – Totowa, N.J.: Barnes & Noble, 1985. – VIII, 206 p.
51. Hiden, J. The Baltic States and Weimar Ostpolitik. – Cambridge: Universal Press, 1987. – XI, 276 p.
52. Korbel, J. Poland between East and West: Soviet and German Diplomacy toward Poland, 1919–1933. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 336 p.
53. Preußische Landesversammlung // Beilage zur «Freiheit». Berliner Organ der Unabhängigen Sozialdemokratie Deutschlands. – 1919. – 26. März. – S. 5-6.
54. Reichstagsprotokolle, 1924/28,10. 326. Sitzung. Donnerstag den 23. Juni 1927. 11001–11003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000077_00998.html (дата обращения: 10.05.2023).
55. Riekhoff, H. von. German-Polish Relations, 1918–1933. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1971. – XIV, 421 p.
56. Rosenfeld, G. Sowjetrussland und Deutschland, 1917–1922. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1984. – XI, 407 S.
57. Rosenfeld, G. Sowjetrussland und Deutschland, 1922–1933. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1984. – 514 S.
58. The U.S.S.R. System of Neutrality and Non-Aggression // Bulletin of International News. New Series. – 1928. – Vol. 4. – № 25. – P. 3-13.
59. Walsdorff, M. Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. – Bremen: Schünemann, 1971. – 326 S.

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ «ИМПЕРСКОЙ РЕФОРМЫ» В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ (1933–1934)

О.Г. Субботин, г. Минск (Республика Беларусь)

Период национал-социалистической революции в Германии сопровождался дискуссией на тему «имперской реформы», нацеленной на реорганизацию государства сообразно представлениям НСДАП о его функциях и мессианстве. В сущности, она следовала в русле общественно-политических дебатов периода Веймарской республики, тесно связанных с попытками модернизации федеративных отношений – преодоления диспропорций в территориальной организации рейха, ведомственного партикуляризма и негативных проявлений «пруско-германского дуализма».

Ключевые слова: Третий рейх, Пруссия, немецкие земли, имперская реформа, федерализм, унификация, централизация.

Приход к власти НСДАП в 1933 г. существенно ускорил начатый при канцлере Франце фон Папене процесс ликвидации исторически сложившихся связей между централизмом, федерализмом и регионализмом. Ни одна эпоха в истории Германии, по словам немецкого исследователя Хорста Мёллера, не была «столь антифедералистской, как национал-

социалистическая» [1, S. 21–22]. Соединив архаичные формы господства с революционной идеологией и современной техникой использования власти, нацисты взяли курс на замену «рациональной структуры управления» автократическим централизмом, быстрыми темпами стирая грань между организационной сферой партии, министерской бюрократией и действующими в стране институтами управления [2, S. 20].

Успех политики А. Гитлера зависел во многом от готовности традиционных элит на местах поддерживать новую власть. Этим фактом можно объяснить его чуткую реакцию на дискуссию о путях и способах преодоления конструктивных недостатков существующей государственной системы, известную со времени Веймарской республики под вывеской «имперская реформа». Символическая апелляция фюрера к «региональной идентичности» являлась ничем иным, как отголоском популистской мобилизационной стратегии НСДАП 1920-х гг., с помощью которой национал-социалистическое движение боролось с периферии против веймарской демократии, а теперь маскировало устремления диктаторского режима трансформировать рейх в абсолютистское централизованное унитарное государство *sui generis*, «вступавшие в противоречие с автохтонными проявлениями культурного регионализма», которые Гитлер ассоциировал с партикуляризмом, вплоть до сепаратизма [3, S. 80; 4, S. 105]. В конце концов, его умелое маневрирование позволило в кратчайшие сроки принять целый ряд антиконституционных правовых актов, венцом которых стал закон от 30 января 1934 г.

Поначалу Гитлер избегал открытого конфликта с немецкими землями, руководствуясь принципом *divide et impera*. Выступая перед членами рейхсрата 2 февраля 1933 г., он открыто высказался против «безудержной регламентации государственной жизни», пообещав сохранить «исторические компоненты немецкой нации» [5, S. 37]. Это, впрочем, не помешало три недели спустя главе МВД Вильгельму Фрику угрожать немецким землям рейхсэкзекуцией в случае, если те «не уяснят суть нового времени» [5, S. 38]. На основании президентского декрета «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. НСДАП «безжалостно расправилась» с частью из них: Бавария, Саксония, Вюртемберг, Баден, Гессен, Шаумбург-Липпе и три ганзейских города (Гамбург, Бремен, Любек) в принудительном порядке были подчинены рейхскомиссарам. В остальных же землях, включая Пруссию, национал-социалисты на тот момент контролировали ситуацию.

После столь радикальных мер политико-практического характера «реформа» была приостановлена. В преддверии голосования по закону о чрезвычайных полномочиях Гитлер перешел на более мягкий тон, категорически отрекшись от намерения упразднить земли и объединить административные границы с границами партийных гау. В принципе он не исключал подобных изменений в будущем, но полагался на «живое развитие» ситуации и «законную легализацию» реформы населением [5, S. 38]. Насколько данное обещание соответствовало действительности, продемонстрировало возобновившееся в последующие дни «реформаторское

движение» в русле унификации рейха и земель (см. далее), открывшей путь к «разгосударствлению» последних без изменения их формы.

По существу, «национальная революция» в одностороннем порядке легализовала нарушение действующего права, позволив новому правительству без промедлений приступить к ликвидации федерализма на основании *Закона о преодолении бедственного положения народа и государства* от 24 марта 1933 г. [6]¹. В некотором роде данный правовой акт стал «временной конституцией», опираясь на которую осуществлялись все последующие мероприятия в области государственного строительства [7, S. 44]. Первый в их череде – *Закон об унификации земель с рейхом* от 31 марта, на основании которого расстановка сил в ландтагах приводилась в соответствие с политической линией партии и результатами выборов 5 марта в рейхстаг [8; 9]. Впредь правительствам земель запрещалось издавать нормативно-правовые акты, противоречившие конституции и имперским законам.

Целям дальнейшей концентрации и унификации государственной власти в Германии служил *Второй закон об унификации* от 7 апреля 1933 г., известный как *Закон об имперских наместниках* (штатгальтеры), призванных обеспечить неукоснительное исполнение директив канцлера [10]. «Вице-короли рейха», как их нарек Гитлер, обладали правом назначения и отстранения от власти членов земельных правительств, государственных служащих и судей, могли распускать ландтаги, принимать непосредственное участие в разработке законов, объявлять амнистию и т.д. [11, S. 228]. Особым образом регулировались отношения Пруссии и рейха: функции имперского наместника здесь возлагались на министра-президента на основании закона от 25 апреля 1933 г. Данный акт цементировал «новую прусско-германскую унию». С его помощью рейх намеревался положить конец федералистскому мышлению на местах, окончательно устранить дуализм и утвердить примат общегерманской идеи, лишив ее «партикуляристских примесей» [7, S. 46]. Вице-канцлер Ф. фон Папен считал данный шаг «коронованием» процесса «законодательного синтеза интересов» Пруссии и рейха [12].

На практике амбиции «князей гау», с энтузиазмом внедрявших принцип фюрерства на местах, довольно быстро вплелись в традиции регионального партикуляризма. Сформированная здесь структура управления оказалась в ряде случаев более автономной в своих действиях, нежели в период полноценной деятельности ландтагов. Пожалуй, самой «проблемной» фигурой в этом плане был Герман Геринг, усомнившийся в эффективности создания «строго централизованного унитарного государства романского образца» и вознамерившийся на этом основании «пруссифицировать» рейх, переведя земли в ранг прусских провинций [3, S. 87; 13].

Поворотным в этом плане был Нюрнбергский съезд партии, проходивший с 30 августа по 3 сентября 1933 г. Выступая от имени национал-социалистического движения, Гитлер отказался «консервировать» германский федерализм, провозгласив курс на ликвидацию земель [5,

¹ Также: Закон о чрезвычайных полномочиях.

S. 41]. Как следствие, в ход была запущена пропагандистская кампания, призванная теоретически обосновать новую установку фюрера. В типичной для 1920-х гг. манере власти обратились к «административной дискуссии» о реформе рейха [4, S. 109]. Ее проработкой неофициально занимались Служба сословного строительства и Имперский союз Народность и Родина под руководством Вернера Хавербека. Деятельность последнего зиждилась на анализе самых известных на то время проектов, среди которых был, например, «Франкфуртский план» А. Вайтцеля 1928 г. [5, S. 41]. На официальном уровне вопросами реформы ведало Министерство внутренних дел и лично В. Фрик, настаивавший на централизованной системе управления авторитарного типа, позднее – на личной унии наместников и министров-президентов (глав местных правительств). Высокую активность проявляли также отдельные штатгальтеры и гауляйтеры.

Следует отметить, что с лета 1933 г. в недрах МВД шла работа над планами (территориальной) реорганизации рейха с целью повышения его эффективности. С помощью «авторитарного централизма» Берлин планировал «покончить» с традиционными структурами управления на местах и прочно интегрировать гауляйтеров и прусских оберпрезидентов (глав окружного управления) в систему государственной власти, предупредив таким образом партикуляристские настроения в будущем.

Самым деятельным «теоретиком» реформы на тот момент являлся, пожалуй, начальник окружного управления Магдебурга, министериаль-директор в МВД Хельмут Николаи. В работе «Основы будущей конституции» он подробно остановился на ключевых аспектах преобразований, в частности, отмел в сторону «противоречащие взглядам национал-социализма историко-династические факторы организации немецких земель», предложив оригинальный план административно-территориального деления Германии [14]. Он включал в себя 13 субъектов: Пруссия, Поммерания, Бранденбург, Саксония-Тюрингия, Силезия, Нижняя Саксония, Вестфалия, Рейнланд, Рейнская Франкония, Гессен, Майнцская Франкония, Швабия, Бавария. Берлин сохранял статус столицы империи, важнейшими центрами которой были такие крупные города, как Мюнхен, Дрезден, Гамбург, Бремен, Дюссельдорф [15]. Впоследствии Николаи довел общее количество «субъектов» до 14, дополнив список Австрией [16, S. 79-80].

Будучи противником и централизации, и партикуляризма, оптимальным вариантом теоретик права национал-социализма считал модель децентрализованного унитарного государства, основанного на идеях фёлькише [17, S. 79]. Исходя из этого, он предлагал закрепить за рейхом монополию на внешнюю политику, армию, налоги, транспорт, право устанавливать законодательные функции земель и санкционировать принятие ими законов, а все прочие сферы управления подвергнуть «эластичному регулированию», призванному утвердить «разумную» автономию земель и достичь «отсутствующей на сегодня сплоченности власти». Общую схему отношений «центр – регионы» Николаи переводил в формулу: «чем преданнее субъекты государства, тем больше свободы можно им предоставить; чем сильнее центростремительные силы, тем меньше они (субъекты – Прим. авт.) требуют надзора за собой, опеки, кулака» [15].

К концу осени 1933 г. дискуссия по вопросам «имперской реформы», обретя собственную динамику, грозила выйти из-под контроля высшего партийного руководства, о чем наглядно свидетельствовал непрерывающийся поток инициатив с мест. Так, в ноябре 1933 г. гессенский наместник Якоб Шпренгер с энтузиазмом рапортовал фюреру: «Население земли Гессен и Гессен-Нассау не только созрело для глубокой реформы, но и с нетерпением ожидает решительных действий» [17]. О готовности жителей к «масштабным преобразованиям» сообщал штатгальтер Брауншвейга и Ангальта Вильгельм Фридрих Лепер [18]. В итоге правительство, пытаясь умерить пыл и энтузиазм региональных партийных функционеров, распорядилось прекратить в ноябре 1933 г. любые общественно-политические дебаты на вышеназванную тему, а в декабре издало официальный запрет на книгу Г. Николаи «Государство в национал-социалистическом мировоззрении». Вслед за этим от планов нацистского теоретика-реформатора, репрессированного в 1935 г. «ввиду допущенных нравственных ошибок», дистанцировалось МВД [5, S. 41]. В правительстве не исключали масштабной реорганизации Германии, но инициативу ее проведения, равно как и содержательную сторону вопроса, резервировали за собой.

Завершающим актом в деле выстраивания жесткой вертикали власти стал *Закон о реконструкции рейха от 30 января 1934 г.*, упразднивший федеративный облик немецкого государства [19, S. 37]. Призванный, по словам главы МВД Фрика, положить «начало очередной эпохе в истории немецкого народа», данный документ предоставил правительству возможность легализовать «новое конституционное право», выходящее за рамки закона о чрезвычайных полномочиях от 24 марта 1933 г. Впервые рейх воспользовался им 14 февраля, распустив рейхсрат [10, S. 23]. Таким образом, прекратил существование символ германского федерализма, сфера деятельности которого при Гитлере ограничивалась участием в подготовке инструкций о порядке применения парламентских законов, чрезвычайных постановлений, административных актов. В том же месяце Берлину перешли функции правосудия земель, а в апреле – остатки финансового суверенитета. Вдобавок ко всему упразднялось гражданство земель и ликвидировались их представительства на территории страны. В Германии больше не существовало юридических различий между общенациональным и региональным уровнями управления, и вполне ходовым стало понятие «коммунализация земель». Отныне роль посредников между рейхом и землями выполняли исключительно наместники, переданные под надзор соответствующих рейхсминистров. Тем самым сформировалась новая имперская инстанция среднего звена [10, S. 24].

Общий итог системных преобразований 1933–1934 гг. оказался не утешительным для протагонистов децентрализации. Земли утратили отведенные им по конституции законодательную, исполнительную и судебную функции и, вопреки наличию некоторых внешних атрибутов власти, деградировали до уровня заурядных провинций, что дало В. Фрику

основание громогласно заявить о создании сильного национального унитарного государства на месте федеративного [5, S. 42–43; 7, S. 48].

Тем временем дискуссия об имперской реформе плавно переключалась в служебные кабинеты, несмотря на ее запрет на уровне партии и правительства, переданный заместителем фюрера Р. Гессом лично Фрику. В марте 1934 г. руководитель Пруссии Г. Геринг направил в адрес МВД меморандум, изложив собственное видение реформы, предлагая, в частности, оптимизировать сферу государственного управления. К *исключительным* полномочиям рейха были отнесены: законодательство, правосудие, внешняя политика, вермахт, авиасообщение, транспорт, почта, радио, пропаганда, высшая школа, подготовка педагогических кадров, горное дело, горная полиция, управление лесными угодьями. Сфера *общего* управления, реализуемого совместно имперскими министерствами и наместниками, распространялась на полицию, сельхозпоселения, речное и дорожное сообщение, финансы. Наконец, в *распоряжение* поднадзорных рейху гау переходили: внутреннее управление, коммунальный надзор, школа, социальное обеспечение, ремесло, медицина, ветеринарная служба, искусство, охрана территории, управление имуществом гау, что, в принципе, соответствовало уровню автономии прусских провинций [20].

Особое внимание в меморандуме было уделено аспектам административно-территориальной реформы. Деление государства на полуавтономные рейхсгау подрывало, по мнению Геринга, целостность Германии, в то время как предложенная им «конструкция и организация» гау могла обеспечить единство при любых обстоятельствах и сценариях развития событий, «даже тогда, когда стоящие во главе гау личности не являются выдающимися» [21]. К факторам государственной стабильности глава Пруссии относил «планомерное воспитание корпуса немецких служащих в имперском духе», а также лишение гау большей части принадлежавшего ранее землям и провинциям имущества, включая промышленные объекты и земельные угодья. Наконец, Геринг настоятельно рекомендовал отказаться от ориентации «исключительно на [исторически обусловленное] локальное обозначение» немецких территорий в пользу «более возвышенного – Германии». В общей сложности на реализацию реформы он отводил 10 лет, которых, по его мнению, было «достаточно, чтобы заложить прочные основы Третьего рейха» [21].

Решив подать пример «правильного поведения», Геринг инициировал объединение прусского министерства внутренних дел, которое самостоятельно возглавлял, с ведомством Фрика. В письме рейхсканцлеру от 17 марта 1934 г. он отметил, что «едва ли мог придумать меру более подходящую, чем эта, чтобы открыть путь к обновлению рейха, начиная с Пруссии» [5, S. 44]. Персональная уния двух кабинетов была окончательно закреплена 1 ноября 1934 г. Тем же путем последовали и другие ведомства.

В июле 1934 г. оригинальный план «имперской реформы» в адрес МВД направил гауляйтер Адольф Вагнер. Разработанный при участии геополитиков Карла Хаусхофера и историка Карла Александра фон

Мюллера, он предусматривал деление Германии на 24 гау с «подконтрольными территориями». Ключевая идея Вагнера заключалась в усилении внешних границ рейха и создании «внутренней организации, не уязвимой перед племенными, конфессиональными и экономическими особыми интересами» [22, S. 67–68].

Реагируя на высказанные инициативы, Фрик выступил 15 ноября 1934 г. перед офицерами рейхсвера с докладом на тему «Строительство Третьего рейха», в котором подробно остановился на принципах построения нового государства, определив в качестве одной из важнейших задач правительства пересмотр административных границ Германии, «основанный на географических, экономических и народонаселенческих принципах в противовес династическим». Ориентировочно речь шла о 20 субъектах с населением в 3–4 млн человек, границы которых предлагалось установить в соответствии с интересами вермахта. Конечной целью реформы министр объявил достижение «состояния внутреннего единства» немецкого народа, «одинаково мыслящего и обладающего единой волей» [23, S. 7].

Несмотря на обилие проектов реформы, ни один из них так и не был реализован. В партии считали недальновидным доверять ее разработку историкам, писателям, министерской бюрократии. Такую привилегию НСДАП оставляла за собой. Вполне очевидно, что нацистская верхушка не имела четкой стратегии поведения в этом вопросе. И на вертикальном, и на горизонтальном уровне налицо было переплетение персонально-политических властных интересов, а соперничество между органами центральной и региональной власти вышло за пределы первой фазы унитаризации рейха 1933–1934 гг. Де-юре, как отмечает немецкий историк М. Рук, Германия вышла из «национальной революции» децентрализованным унитарным государством, чьи территории обладали делегированными из центра полномочиями. Де-факто правительство испытывало сильное влияние региональных структур, поскольку успех политики Гитлера зависел во многом от их готовности поддерживать новую власть [4, S. 107].

К началу 1934 г. в Германии все еще продолжали сосуществовать конкурирующие между собой суплементарные сепаратные государственные и партийные ведомства. В ход так и не был запущен ни процесс укрупнения территорий, ни их реорганизация. Более того, после объединения Мекленбург-Штрелица и Мекленбург-Шверина, состоявшегося 15 декабря 1933 г., застопорилась ликвидация анклавов и эксклавов. Последним мероприятием в данном направлении стал *Закон о Большом Гамбурге* от 26 января 1937 г., с помощью которого был создан «город-гау» и завершен длительный период раздробленности на Нижней Эльбе.

Источники и литература

1. Möller, H. Regionalismus und Zentralismus in der neueren Geschichte. Bemerkungen zur historischen Dimension einer aktuellen Diskussion / H. Möller // Nationalismus in der Region. Beiträge zur regionalen und lokalen Forschung und zum internationalen Vergleich; Hrsg. von H. Möller, A. Wirsching, W. Ziegler. – München : Oldenbourg, 1996. – S. 9–22.

2. Reichardt, S. Radikalität und Stabilität: Herrschen und Verwalten im Nationalsozialismus / S. Reichardt, W. Seibel // Das prekäre Staat: Herrschen und Verwalten im Nationalsozialismus; S. Reichardt, W. Seibel. – Frankfurt/New York : Campus, 2011. – S. 7–27.

3. Ruck, M. Partikularismus und Mobilisierung – traditionelle und totalitäre Regionalgewalten im Herrschaftsgefüge des NS-Regimes / M. Ruck // Das prekäre Staat: Herrschen und Verwalten im Nationalsozialismus; S. Reichardt, W. Seibel. – Frankfurt/New York : Campus, 2011. – S. 75–120.

4. Ruck, M. Zentralismus und Regionalgewalten im Herrschaftsgefüge des NS-Staates / M. Ruck // Nationalsozialismus in der Region. Beiträge zur regionalen und lokalen Forschung und zum internationalen Vergleich ; Hrsg. von H. Möller, A. Wirsching, W. Ziegler. – München: Oldenbourg, 1996. – S. 99–122.

5. Baum, W. Die „Reichsreform“ im Dritten Reich / W. Baum // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 1955. – H. 1, Jg. 3. – S. 36–43.

6. Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich, v. 24.03.1933 // Reichsgesetzblatt (RGBl.). – 1933. – Nr. 25. – Tl. I. – S. 141.

7. Pogge, E. Das Verhältnis Reich und Länder einst (nach der Weimarer Verfassung) und jetzt (nach den Gesetzen der nationalen Erhebung) : Diss. / E. Pogge. – Hamburg : Fried. Priess Buchdruckerei, 1934 – 53 S.

8. Vorläufiges Gesetz zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich, v. 31.03.1933 // RGBl. – 1933. – Nr. 29. – Tl. I. – S. 153–154.

9. Begründung zum Entwurf eines Gesetzes zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich // Bundesarchiv (BA). – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1309. – Bd. 1. – S. 8, 41.

10. Weniger Länder – mehr Föderalismus? Die Neugliederung des Bundesgebietes im Widerstreit der Meinungen 1948/49–1990. Eine Dokumentation / Bearb. von R. Schiffers. – Düsseldorf : Droste, 1996. – 421 S.

11. Mommsen, H. Reichsreform und Regionalgewalten. Das Phantom der Mittelinstanz 1933–1945 / H. Mommsen // Zentralismus und Föderalismus im 19. und 20. Jahrhundert; Hrsg. von O. Janz, P. Schiera, H. Siegrist. – Berlin : Duncker & Humblot, 2000. – S. 227–237.

12. Abschrift des Schreibens des Vizekanzlers von Papen an den Reichskanzler vom 7. April, v.11.04.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1363a. – S. 4.

13. Die konstituierende Sitzung des Preussischen Staatsrats. Die Eröffnungsrede des Ministerpräsidenten Göring, v.26.04.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 I/2300. – S. 7–8.

14. Reichsreform im neuen Deutschland, in: Frankfurter Zeitung, v.21.11.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 19.

15. Vorschläge zur Reichsreform, in: Anhalter Anzeiger, v. 8.12.1933, Nr. 288 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 26.

16. Nicolai, H. Der Staat im Nationalsozialistischen Weltbild / H. Nicolai // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S.79–80.

17. Schreiben des Reichsstatthalters in Hessen an den Herrn Reichskanzler, v.14.11.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 16.

18. Schreiben des Reichsstatthalters in Braunschweig und Anhalt an den Herrn Staatssekretär Dr. Lammers in der Reichskanzlei, v. 23.11.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 17–19.

19. Gesetz über den Neuaufbau des Reiches, 30.01.1934 // Deutsche Geschichte 1933–1945. Dokumente zur Innen- und Außenpolitik; Hrsg. von W. Michalka. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verl., 1996. – 419 S.

20. Schreiben des Preussischen Ministerpräsidenten an den Herrn Reichsminister des Innern (Anlage: Bemerkungen zur Reichsreform), v.21.03.1934 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 176–185.

21. Göring über die politische Aufgabe im Dritten Reich, in : Deutsches Nachrichtenbüro, v. 19.06.1934 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1362. – S. 59.

22. Burg, P. Die Neugliederung deutscher Länder / P. Burg. – Münster : LIT, 1996. – 110 S.

23. Frick, W. Der Neubau des Dritten Reiches. Vortrag, gehalten vor Offizieren der Reichswehr am 15. November 1934 / W. Frick. – Berlin: Carl Heymanns, 1934. – 16 S.

НЕМЕЦКИЕ ЕВРЕИ В АНТИГИТЛЕРОВСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ. ГРУППА ГЕРБЕРТА БАУМА

Б.Л. Хавкин, г. Москва (Российская Федерация)

После установления в Германии нацистской диктатуры легальные методы противодействия нацизму были внутри страны невозможны. Сопротивление немцев нацизму ушло в подполье или в эмиграцию.

Составной частью немецкого Сопротивления нацизму было Сопротивление немецких евреев. Эта проблема является новой для российской историографии. Автор, изучая эту тему в основном на основе немецких источников и литературы, приходит к выводу, что сформированное в литературе представление о беззащитном немецком еврее является мифом. Немецкие евреи и их родственники и друзья-немцы принимали активное участие в немецком антигитлеровском Сопротивлении. Одной из групп Сопротивления была берлинская группа под руководством Герберта Баума, объединявшая евреев, немцев и иностранных принудительных рабочих. В статье рассказывается история этой группы.

Ключевые слова. Третий рейх, антигитлеровское Сопротивление, евреи в нацистской Германии, группа Герберта Баума.

В Третьем рейхе немецкие евреи были отгорожены от так называемого «немецкого народного сообщества» сотнями законов и распоряжений, претворяемых в жизнь не только убежденными нацистами, но и большинством простых немцев-членов «народного сообщества», а также чиновниками, юристами, полицией, армией, прессой, школой. Евреи лишались гражданских и имущественных прав, попали под надзор полиции, в их паспортах ставился красный штамп «J» («юде») и вписывалось второе принудительное имя: мужчинам – Израиль, женщинам – Сара. С 19 сентября 1941 г. все евреи были обязаны носить на одежде желтую шестиконечную звезду [1, S. 43]. Таким образом, все евреи были поставлены под непосредственный полицейский контроль; по отношению к ним гражданское право уже не действовало. По сообщениям СД, распоряжение о